

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316

Н.Д. Асташова

«КУЛЬТУРА КРИЗИСА» И СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД

Рассматривается проблема кризисного сознания современности. Применяемый в исследовании метод критического анализа концепций риска и катастрофического прогнозирования развития общества позволяет говорить о формировании специфической «культуры кризиса». Установлено, что современная цивилизация, определив стратегию существования социума в форме концентрации больших человеческих масс в городах, создает особую модель кризиса как способа регуляции человеческой деятельности.

Ключевые слова: кризис; катастрофа; риск; город; урбанизм; неопределенность; культура; отчуждение.

С конца XX в. наметился переход к новому типу общества, в котором основные социокультурные процессы определяются развитием технологий, изменивших взаимодействие человека с окружающим миром. Активное воздействие технологического прогресса на сознание и поведение человека привело к появлению новой социальной реальности, которая все чаще описывается посредством категорий «риск», «неопределенность», «скрытая угроза», «катастрофа», «кризис». В связи с этим появляется необходимость актуальной рефлексии в отношении социальных процессов с позиции стратегий деятельности в условиях кризисного, транзитивного, динамического общества.

За ускорение технологического развития человеку пришлось дорого заплатить: оборотной стороной прогресса стало «отсутствие какого-либо твердого основания для мировоззрения» [1. С. 335]; неопределенность – в социуме возникло все растущее чувство уязвимости и незащитности перед мощью индустрии. В результате в современной науке сложилась достаточно устойчивая тенденция рассматривать ситуацию современного общества как кардинально преобразующую действительность. В фокусе внимания научного сообщества оказался анализ рисков и катастроф различных сфер жизни, выглядящий достаточно противоречиво. Таким образом, перед исследователем встает задача критического переосмысления сложившихся в науке устойчивых представлений и формирования нового взгляда на проблему кризисного существования человека в актуальных условиях социума, главные процессы которого сосредоточены в больших городах.

Основную проблему современности У. Бек видит в «невидимости» рисков, что в свою очередь повышает роль научного знания в качестве экспертизы. Однако политическая ангажированность инновационного развития «большой науки», когда современная мораль ставит политический интерес над научным заключением, возводит риск в категорию сверхопасности [2]. Следуя логике У. Бека, большая группа отечественных ученых, таких как С.Е. Байда [3], И.И. Белимов, С.Г. Геворкян, Е.Л. Коган [4], С.В. Зенченко, Е.А. Егоркин [5], Н.С. Неделько [6] и другие [7], пытаются преодолеть описанные им противоречия через прогнозирование рисков и катастроф.

Найти психологические основания для управления процессами в условиях нестабильности предлагают

психологические исследования Д. Канемана, П. Словика, А. Тверски [8], В.А. Лефевра [9], В.А. Петровского [10], Т.Н. Солнцева [11] и др., описывая природу риска как качество личности, для которой ситуация опасности становится средством, стимулом, мотивом для достижения определенных целей: человек выбирает риск сам.

Возможно, такое внимание к проблеме рисков и катастроф связано со страхом перед неопределенностью, источник которой Ф. Найт находит в модернизации процессов экономики [12]. Нестабильность экономических процессов капитализма породила не только неуверенность в будущем, но и настоящее, которое для современного человека видится крайне зыбким и непонятным. Нельзя сказать, что в предыдущие эпохи люди ощущали себя более уверенно, но существовала убежденность, что при помощи знания и технологии диссонанс актуальной действительности будет преодолен. Однако итогом развития современного научного знания становится аспект, подчеркнутый Ж-Ж. Лиотаром: «Интересуясь неопределенностями, ограничениями точности контроля, квантами, конфликтами с неполной информацией, катастрофами, прагматическими парадоксами, постмодернистская наука строит теорию собственной эволюции как прерывного, катастрофического, парадоксального развития. Она меняет смысл слова “знание” и говорит, каким образом это изменение может происходить. Она производит не известное, а неизвестное» [13].

Г. Бехманн в своем исследовании показывает прямую связь роста объема знаний и увеличения рисков. С одной стороны, основанный на знаниях и их широком распространении в виде информации, риск становится более оправданным. С другой, ввиду того, что зависимость образования и науки от рыночных факторов лишает эти структуры универсальности и гибкости знания, стремление к просчитываемости и точности процессов лишь увеличивает вероятность ошибки, т.е. детальное планирование становится невозможным [14].

Таким образом, современная действительность с ее бурным развитием науки и технологий избавила человечество от иллюзий преодоления страха неопределенности при помощи знаний, теперь человек вынужден принимать нестабильность своей жизни как факт. Все это позволяет согласиться с выводами Н. Лумана о том, что самоорганизующейся системе в

целом присуще создание ситуаций неопределенности. Рассматривая онтологические основания изучения рисков и угроз, он делает выводы о том, что сам факт обращения к этой теме ставит под вопрос рациональную природу деятельности человека [15].

И действительно, анализ ситуаций угроз, создаваемых развитием общества, показывает, что они являются следствием несоответствия действий субъекта в обновляющейся реальности [16]. Целый ряд исследователей, таких как Е.М. Бабосов [17], П.С. Гуревич [18], А.А. Гусейнов [19], В.А. Кутырев [20] соотносят этот процесс с потерей традиционных смыслов в современном обществе. Смещение акцента в развитии социума в сторону превалирования значимости техники и технологий над проблемами личности и утрата гуманистических ценностей в глобальном масштабе в этих исследованиях обозначена как настоящая катастрофа не только по отношению к индивидуальному человеческому существованию, но и к человечеству вообще.

Э. Гидденс жизнь в мире случайностей и угроз рассматривает как следствие модернизации и глобализации социальных процессов [21]. В концепции Э. Гидденса неопределенность – глобальное, характерное для всего человечества явление, обусловленное большей степенью риска любых решений. Технологические и социальные риски становятся абсолютно неконтролируемыми, неизбежность такой ситуации создает новые угрозы, связанные с антропологическими кризисами, которые Э. Гидденс называет «рукотворными», т.е. зависящими от человека в отличие от природных катаклизмов [22].

Обилие исследований, посвященных рискам и катастрофам, дало почву для апокалиптических настроений в науке – например, работы А.Н. Вильямсона [23], В. Веллса [24], Дж. Рейлли [25], П. Плэйта [26] и др. Один из последних докладов Римского клуба «Come on! Капитализм, близорукость, развлечение и разрушение планеты» (2017 г.) демонстрирует тупиковое положение современной цивилизации, связанное в первую очередь с доминирующим мировоззрением: «...планета деградирует, авторитаризм и фундаментализм на подъеме, спекулятивный капитал торжествует» [27].

Актуальность поиска выхода из ситуации неопределенности и запутанности отношения современного человека к миру, представляющегося ему полным угроз, рисков и катастроф, наталкивает на критическое переосмысление имеющихся подходов, в первую очередь, через поиск идейных предпосылок специфического отношения к действительности.

Рождение «культуры кризиса»

Понятие кризиса имеет корни в медицинской терминологии и изначально несет вполне конкретный смысл: «...резкий, крутой перелом; тяжелое переходное состояние, момент дезорганизации и вместе с тем фактор самоорганизации системы, кризис – это естественная фаза развития любой системы, зона бифуркации» [28. С. 152–153]. Социальные науки заимствовали этот термин для определения нарушения привычного функционирования общества. То есть соци-

альный кризис представляет собой «крутой перелом в развитии общества, тяжелое переходное состояние в его движении от одного этапа к другому» [29. С. 62–83]. Биомедицинская этимология понятия перетянула в социальные исследования и представление о кризисе как о некоем «естественном» процессе. Однако нельзя не согласиться с И.Н. Протасенко в том, что «современный кризис давно утратил свою естественность» [28. С. 154], превратившись во вполне управляемый, контролируемый процесс. Современные технологии управления кризисом в политических, экономических, личностных отношениях достигли практически абсолютного совершенства, превратившись в условие достижения определенных целей по изменению существующего порядка. Возникшая «экономика кризисов» поддерживает себя сама в первую очередь за счет шокового состояния психики обывателя.

Например, Н. Кляйн в своей книге «Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф» пишет: «политический и военный переворот, террористический акт, крушение рынка, война, цунами, ураган», которые вводят «... все население страны в состояние коллективного шока. <...> Подобно запуганному узнику, выдающему имена своих друзей или отрекающемуся от своих убеждений, общество, потрясенное шоком, часто отрекается от того, что в других условиях оно бы страстно защищало» [30. С. 33]. В качестве примера можно вспомнить как природные катастрофы – ураган «Катрина» в США, цунами в Таиланде, так и экономические кризисы, связанные с опиумными войнами начала XX в., долговыми ямами государств Латинской Америки 1980-х гг., и политические, такие как распад СССР в 1990-е, крушение башен-близнецов 11 сентября 2001 г. в США, – все эти события повлекли за собой качественные изменения в жизни масс. Таким образом, для перехода общества к новой доктрине, ему необходимо пережить социально-психологический шок, в состоянии которого оно неспособно противостоять новой идеологии. Переживаемый обществом кризис выводит на лидирующие позиции политические, экономические силы, ранее остававшиеся в тени.

У. Бек [2] пишет о превалировании «производства рисков» над «производством богатства»: в современной ситуации «риски» выступают только инструментом манипуляции многочисленными кризисами (экологическими, техногенными, политическими, культурными и т.д.) и не являются конечной целью социальной активности.

Все это наталкивает на выводы, что кризис, как реальный, так и мнимый, его прогнозирование, присчитывание его рисков стали способом существования социальных и политических систем. Ввиду контролируемости современных кризисов описание их с позиции «катастрофического» выглядит неуместным, поскольку катастрофа предполагает стихийный, невозвратный характер происходящего, а современное общество и личность, продолжают свое развитие и после пережитого шока от кризисной ситуации, но уже на иных условиях. Представление о кризисе как способе регуляции человеческой деятельности, порождающем смену социальной парадигмы, дает основание говорить о нем как о специфическом культурном фено-

мене, так как именно в культуре определяется «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (поведения, общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни...» [31. С. 33].

«Культура кризиса», сочетая в себе ощущение незащищенности и мифическое повествование о надвигающихся «опасностях», предвосхищение, ожидание «кризисов», присчитывание «рисков», определяет повседневную жизнь социума, которая «теряет свой безбидный статус» [32. Р. 203]. Индивиду, сталкиваясь с непонятной ситуацией кризиса и множеством рисков внутри нее, оказываются неспособными к выработке алгоритмов поведения. Люди переживают, по мнению Э. Тоффлера, состояние страха, футурошока [33]. Ввиду того что информация воспринимается искаженно, предвзято, возникает ложное представление о происходящем в мире как о «катастрофе». Искаженное состояние сознания масс активно поддерживается СМИ. Э. Гидденс отмечает трансляцию ими далеких от изначального контекста ценностей [34].

Вполне логично, что в культуре общества постепенно складывается опыт психически нестабильного состояния, наиболее заметный в современном искусстве и архитектуре. Дегуманизация, сознательное избегание живых форм характеризуют не только подход творца, но и отношение зрителя, для которого такое выражение реальности оказывается понятным: одна и та же реальность расщепляется на множество различных реальностей, которые равнозначны, и выбор приоритета зависит от личности. «Далекий от того, чтобы по мере сил приближаться к реальности, художник решает пойти против нее. Он ставит целью дерзко деформировать реальность, разбить ее человеческий аспект...» [35. С. 124].

М. Фуко в «Истории безумия» показывает, что состояние психически нестабильного человека стало реальностью Новейшего времени, современная культура бесконечно обращается к этому состоянию, ища в нем ответ на вопрос о собственной сущности [36]. А Ж. Делёз, возможно, не сильно преувеличивает, говоря о том, «что наше общество производит шизофреников так же, как оно производит шампунь... при этом оно и создает гигантскую систему подавления-вытеснения по отношению к тому, что имеет собственную реальность» [37].

Через эстетизацию безумия в современной культуре высвечивается отчужденность человека от мира, парадоксальным образом обнажая его угрожающую сущность, раскрывая негативное начало. Состояние частичного или полного отчуждения – безумия – выставляет человека дезертиром жизни, ее основных ценностей и законов, а созданная им цивилизация становится все более автономной и более неуправляемой [38]. Культура кризиса блокирует любую попытку западного мышления навязать ценности как самообман и форму тоталитаризма. Отчужденный человек избегает любого давления со стороны системы. Любая структура видится враждебной ему, поскольку апатичный индивид ничего не способен предложить взамен, кроме бесконечного переживания собственных кризисов.

Образ психической болезни не просто выделяется в системе представлений современной культуры, но и начинает ее характеризовать: именно в безумии мыслители пытаются найти потаенный смысл действительности, а его значимость формирует далекое от реально происходящего, фрагментарное восприятие и мышление. Темпоральность такого сознания выступает разрушителем всех парадигм действительности, лишая ее каких-либо оснований. Мир теперь лишен понимания, абсурд – вот истинная реальность человеческого существования, порожденная им самим [39]. Ощущение страха, сдрогание перед будущим становятся неотъемлемыми компонентами «культуры кризиса» в современности: «Если думать о будущем, оно покажется неизбежным; мы отчетливо увидим свою гибель и гибель всего существующего...» [40. С. 162]. Люди становятся равнодушными, пытаются скрыть этот страх: так, в обыденной жизни индивида исчезает все то, что раньше придавало ей ценность – традиционные формы жизни распадаются, воцаряются неуверенность и бессилие что-либо изменить в утвердившемся хаосе сознания. В такой ситуации выглядит логичным переживание реальности в качестве глубокого психологического, социального и культурного кризиса.

Большой город как условие формирования «культуры кризиса»

Конец XX – начало XXI в. – это эпоха невиданного прежде роста городов, ставших центрами развития цивилизации: сегодня в городах живет больше половины населения планеты, и темпы увеличения городского населения, по прогнозам, в ближайшем будущем будут расти [41]. В связи с этим целый ряд исследователей развитие кризисного сознания связывают с тотальной урбанизацией жизни человека.

Мегаполис является идеальной социальной формой для управления большими массами населения, и, как справедливо отметил П. Вирио [42. С. 208], в ситуации урбанизации жизни населения политика, проводимая для огромного количества людей, сконцентрированных в одном месте, вытесняет политику для населения, некогда гармонично распределенного по всей территории. Из социальной психологии [43] давно известно, что именно при большой скученности людей индивид легко поддается влиянию, действию импульсивных, психических регрессий, это так называемый феномен заражения толпы. Современный город становится примером ситуации, в которой у общества не остается другого пути, как создавать рациональные системы, направленные на подавление, принуждение иррациональных элементов в социальном сознании.

М. Фуко красочно описывает, как с XVIII в. дисциплинарная власть начинает контролировать перемещения индивидов в пространстве [44], для этого требуется замкнутое пространство, в котором действуют свои правила. Таким пространством становится город. Сеть городских улиц, клетушки квартир, огромные корпуса фабрик и заводов, концентрация «дисциплинарных учреждений» (школ, больниц, казарм) формируют идеальную среду для подавления воли, подчинения

ния индивида с целью увеличения его полезности и управляемости. Таким образом, именно в городе рождается «дисциплина тела», к ней М. Фуко относит все, связанное с использованием и распределением человеческой энергии, с которой связано то обстоятельство, что в медицине, юриспруденции и педагогике начиная с конца XIX в. все больше внимания уделяется различным отклонениям. Усиление власти врачей, педагогов, психиатров над личностью основывается на постоянной тревоге о несовместимости постоянно выявляемых «новых» отклонений в поведении, мышлении, психике с моральными нормами и социальными требованиями [45].

Г. Зиммель в работе «Большие города и духовная жизнь» представляет городского жителя как типичного невротика: «Психологическая основа, на которой выступает индивидуальность большого города, – это повышенная нервность жизни, происходящая от быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений» [46. С. 1]. Жизнь в городе притупляет восприятие людей, в котором начинает преобладать абстрактное над конкретным, анонимное над личным, типичное над индивидуальным, – все это делает горожан циничными и жестокими.

По мнению Ш. Зукин, культура городов в своей природе несет представление о кризисе – город становится центром страха. Рассматривая разные типы культуры городов, она отмечает важный для них принцип «эстетизации страха» [47. С. 19.], в котором выражается способность культуры создавать определенные образы города, влиять на восприятие его форм. Этот феномен приобретает все большее значение с тех пор, как население стало более мобильным и разнородным, а традиционные институты менее выраженными. Социальные группы, получившие контроль над различными культурными средами города, имеют возможность влиять на различные пороки города – от насилия и преступлений на почве ненависти до экономического упадка. Так, приводятся примеры из жизни районов Нью-Йорка (не только «неблагополучных», но и вполне «респектабельных»), культурное пространство которых становятся выражением принципов запугивания и сегрегации личности при условии несоответствия принятым нормам и стандартам.

И действительно, к современной городской архитектуре трудно применить формулу, в которой «человек – мера всех вещей» [48. С. 444]. Наоборот, архитектурный ландшафт современного города стремится подчинить себе человека: несоразмерные, огромные здания нависают над ним, подавляют, обозначая его ничтожность и незначительность в этом мире, вызывая страх быть раздавленным под их натиском. Сравнение города с джунглями никому не кажется странным: попадая в мегаполис, индивид моментально теряет ориентацию в пространстве и без дополнительных устройств (навигатор, планшет с картой, телефон) не в состоянии выбраться из лабиринта переплетенных улиц, подземных переходов, навесных авиадуктов. Скорость передвижения по городу превышает порог человеческого восприятия: максимум, что можно увидеть за стеклом летящего автомобиля, – это мельтешение кадров городских улиц, не складывающихся в целостную

картину восприятия. Логично, что чувственный опыт восприятия внушительных фасадов зданий и ритмов уличной жизни с ее специфическими временными циклами оказывает компрессионный характер воздействия на психику человека, ему начинает казаться, что город «давит» на него, а потеря ориентации в пространстве и времени вызывает у современного горожанина колоссальный стресс. Чувство пропорциональности нарушено самими условиями современного городского пространства (его ритмы, архитектура), в которых человек теряет чувствую меры, в том числе и в отношении самого себя: ему всегда всего мало, он вечно недоволен, раздражен и агрессивен.

Спецификой современного урбанизма становится уплотненное городское пространство, частота социальных коммуникаций в котором находится в обратной пропорции к плотности застройки. Теснота проживания вызывает потребность в обособленности, желании одиночества, защите частной жизни от внимания соседей. Поразительно слабые, несчастные контакты жителей мегаполиса в итоге оборачиваются тем, что большой город превращается в пространство отчуждения людей друг от друга, тотального одиночества.

При нарастании отчуждения город становится местом встречи Чужих друг другу не только людей, но и вещей, норм, взглядов, религий и т.п. Это не просто столкновение свободно перемещающихся в пространстве субъектов – это шок, непонимание, отторжение. Такая встреча Чужих делает зримыми условия, при которых начинают отстаиваться противоположные интересы, потребности, представления, а городская жизнь распадается на множество лишенных какой-либо связанности элементов.

Вполне логично, что большой город как носитель культуры кризиса стал проблемой для человека. Неотъемлемым элементом городской жизни является эстетизация нестабильного состояния, кризисного сознания личности, выражающего крайнюю степень отчуждения, наполняющую современную культуру.

Подводя итоги, можно сделать выводы о том, что урбанизм как образ жизни современного человека создает условия для рождения психологического / психического кризиса, который характеризуется состоянием страха, беспокойства, иррациональностью мышления. В отличие от других видов кризиса (политического, экономического, экологического) психологический кризис легко контролируется: его можно спровоцировать, усугубить, заблокировать пути выхода из него, – этот фактор является условием для развития «индустрии кризиса», предлагающей широкий диапазон средств борьбы с нарастающим беспокойством от широкого диапазона фармацевтических средств до увеселительных заведений (парки развлечений, торговые центры, ночные клубы). Нагнетание и переживание кризиса становится социальным инструментом, способным не просто привести апатичные массы в движение, но и извлечь из их состояния финансовый доход, в связи с чем обнаруживается тенденция целенаправленного погружения человека в это состояние через культуру: СМИ, искусство, архитектуру и т.п. Страх, возведенный в статус культуры и обоснованный научными исследованиями, блокирует критиче-

ское мышление, доводы рассудка растворяются в панике людей, охваченных ужасом надвигающегося будущего. Абсурдность такого состояния создает идеальную ситуацию для управления: массы согласны принять любую парадигму, лишь бы избавиться от этого страха. Таким образом, представление о кризисе как способе регуляции человеческой деятельности дает основание говорить о нем как о специфическом феномене урбанистической культуры.

Современная цивилизация, определив стратегию существования социума в форме концентрации больших человеческих масс и сфер их деятельности в больших городах, создает самые противоречивые модели функционирования как социума вообще, так и отдельного индивида, что в свою очередь не может не породить кризисного состояния, которое при исходных противоречащих друг другу параметрах возрождается снова и снова – становится социальной, культурной нормой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарнас Р. История западного мышления. М. : КРОН-ПРЕСС, 1995. 448 с.
2. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
3. Байда С.Е. Природные, техногенные и биолого-социальные катастрофы: закономерности возникновения, мониторинг и прогнозирование. М. : Всероссийский научно-исследовательский институт по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России, 2013. 194 с.
4. Белимов И.И., Геворкян С.Г., Коган Е.Л. Обработка и управление статистическими данными методами математической теории катастроф // Обозрение прикладной и промышленной математики. 2011. Т. 18, вып. 1. С. 104–105.
5. Зенченко С.В., Егоркин Е.А. Применение теории катастроф для оценки устойчивости позиций кредитной организации // Вестник СевКавГТУ. 2014. Вып. 19. С. 22–27.
6. Неделько Н.С. Использование теории катастроф к анализу поведения экономических систем // Вестник МГТУ. 2010. Т. 13, № 1. С. 223–227.
7. Риск в социальном пространстве / под ред. А.В. Мозговой; ин-т социологии РАН. М. : Изд-во Ин-та социол. РАН, 2001. 347 с.
8. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков : Гуманитарный центр, 2005. 632 с.
9. Лефевр В.А. Рефлексия. М. : Когито-Центр, 2003. 496 с.
10. Петровский В.А. Очерк теории свободной причинности // Вестник СамГУ. Психология. 1996. С. 67–87.
11. Солнцева Т.Н. О психологическом содержании понятия «риск» // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1999. № 2. С. 14–20.
12. Найт Ф. Риск, неопределенность и прибыль. М. : Дело, 2003. 360 с.
13. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб. : Алетейя, 1998. 159 с. URL: http://thelibrary.ru/books/liotar_zhanfransua/sostoyanie_postmoderna-read-9.html (дата обращения: 09.05.2019).
14. Бехмани Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М. : Логос, 2010. 248 с.
15. Луман Н. Понятие риска // Thesis. 1994. № 5. С. 32–41.
16. Жмайло А.И. Социальный риск: особенности определения // Экономика и управление : научная сессия МИФИ. 2008. Т. 14. С. 56–57.
17. Бабосов Е.М. Человек в социальных системах. Минск : Беларуская навука, 2013. 481 с.
18. Гуревич П.С. Человек как предмет стал исчезать. Беседа с философом П.С. Гуревичем // Человек.RU. 2017. № 12. С. 231–244.
19. Гусейнов А.А. О человечестве и человечности // Ведомости прикладной этики. 2016. № 49. С. 137–150.
20. Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб. : Алетейя, 2015. 312 с.
21. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // TESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Вып. 5: Риск, неопределенность, случайность. С. 107–134.
22. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь мир, 2004. 120 с.
23. Williamson A.H. Apocalypse Then: Prophecy and the Making of the Modern World. N.Y., 2008. 368 p.
24. Wells W. Apocalypse When?: Calculating How Long the Human Race Will Survive. N.Y., 2006. 200 p.
25. Reilly J.J. Apocalypse & Future: Notes on the Cultural History of the 21st Century. Boston : Xlibris Corporation, 2000. 292 p.
26. Plait P. Death from the Skies! These Are the Ways the World Will End. N.Y., 2008. 336 p.
27. Римский клуб, юбилейный доклад. URL: <https://aftershock.news/?q=node/601798> (дата обращения: 09.05.2019).
28. Протасенко И.Н. Кризис, общество и государство // Социальный кризис и социальная катастрофа. Сборник материалов конференции. СПб. : Санкт-Петербург. филос. общество, 2002. С. 151–156.
29. Бабосов Е.М. Катастрофы: социологический анализ. Минск : Наука і тэхніка, 1995. 472 с.
30. Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. М. : Добрая книга, 2015. 656 с.
31. Степин В.С. Философская антропология и философия культуры. М. : Академический проект; Альма Матер, 2015. 542 с.
32. Naisbitt J. Global Paradox: The bigger the World Economy, the More Powerful Its Smallest Players. N.Y. : Morrow, 1994. 304 p.
33. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 2004. С. 6–261.
34. Giddens A. Modernity and Self Identity: Self and Society in the Late Modernity Age. Stanford, CA : Stanford University Press, 1991. P. 187–201.
35. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Кризис сознания : сборник работ по «философии кризиса». М. : Алгоритм, 2009. С. 105–156.
36. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М. : АСТ; АСТ Москва, 2010. 704 с.
37. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 672 с. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1027780/89/Gricanov_-_Noveyshiy_filosofskiy_slovar_Postmodernizm.html (дата обращения: 05.05.2019).
38. Шелер М. Человек и история // Избранные произведения. М. : Гнозис, 1994. С. 70–97.
39. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов: Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж.П. М. : Политиздат, 1990. С. 222–318.
40. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Политиздат, 1991. 527 с.
41. UN Habitat. State of the World's Cities 2010/2011 – Cities for All: Bridging the Urban Divide. 2010. URL: <https://unhabitat.org/books/state-of-the-worlds-cities-20102011-cities-for-all-bridging-the-urban-divide/> (дата обращения: 6.10.2019).
42. Вирильо П. Низвержение в пустоту // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М. : Алгоритм, 2009. С. 205–248.
43. Лебон Г. Психология народов и масс. М. : Академический проект, 2011. 238 с.
44. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999. 480 с.
45. Foucault M. Histoire de la sexualite'. Gallimard, 1984. Vol. 2: l'usage des plaisirs. 285 p.
46. Зimmel Г. Большие города и духовная жизнь // Логос, 3/4 (34). 2002. С. 1–12. URL: https://ruthenia.ru/logos/number/2002_03-04_34.htm (дата обращения: 03.04.2019).
47. Зукин Ш. Культуры городов. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 424 с.
48. Кавтадзе С. Анатомия архитектуры. Семь книг о логике, форме и смысле. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 472 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 2 декабря 2019 г.

The Culture of Crisis and the Modern City

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 47–53.

DOI: 10.17223/15617793/453/6

Nadezhda D. Astashova, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: nadya.astashova@mail.ru

Keywords: crisis; disaster; risk; city; urbanism; uncertainty; culture; alienation.

The article is devoted to the problem of the crisis consciousness of modern man. The author aims to form a relevant reflection on social processes from the position of strategies of activity in a crisis, transitive, dynamic society. In this regard, the method of critical analysis is used for rethinking the firm ideas established in science and for identifying the prerequisites for the formation of a crisis culture in society. The study examines the concepts of social risk, catastrophic future prediction, analyzes situations of threats from society development. Conclusions are drawn about the formation of a “culture of crisis” in modern society. Crisis, both real and imaginary, its forecasting, calculation of its risks became a way of social and political systems’ existence. The idea of crisis as a way of regulating human activity and generating a change in the social paradigm gives reason to talk about it as a specific cultural phenomenon, since it is in culture that the system of historically developing supra-biological programs of human activity (behavior, communication), ensuring the reproduction and change of social life, is determined. The main factor in the formation of the “culture of crisis” is urbanism as modern man’s way of life which creates conditions for the birth of psychological or mental crisis characterized by a state of fear, anxiety, irrationality of thinking. Psychological crisis is easily controlled: it can be provoked, aggravated, the way out of it can be blocked; this factor becomes a condition for the development of the “crisis industry”, offering a wide range of means to combat the growing anxiety. Crisis mongering and experiencing are a social tool that can not only set the apathetic masses in motion, but also extract financial income from their state; in this connection, the tendency of a purposeful immersion of a person into this state through culture (media, art, architecture, etc.) is observed. Fear, elevated to the rank of culture and justified by scientific research, inhibits critical thinking, reason dissolves in the panic of the people horrified by the future. The absurdity of such a state creates an ideal situation for governance: the masses are ready to accept any paradigm just to get rid of this fear. Thus, the idea of the crisis as a way of regulating human activity gives reason to speak about it as a specific phenomenon of urban culture.

REFERENCES

1. Tarnas, R. (1995) *Istoriya zapadnogo myshleniya* [The Passion of the Western Mind]. Translated from English by T.A. Azarkovich. Moscow: KRON-PRESS.
2. Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu* [Risk Society, Towards a New Modernity]. Translated from German by V. Sedel'nik, N. Fedorova. Moscow: Progress-Traditsiya.
3. Bayda, S.E. (2013) *Prirodnye, tekhnogennye i biologo-sotsial'nye katastrofy: zakonomernosti vozniknoveniya, monitoring i prognozirovaniye* [Natural, Technogenic and Biological-Social Catastrophes: Regularities of Occurrence, Monitoring and Forecasting]. Moscow: All-Russian Research Institute for Civil Defense and Emergency Situations of the Emercom of Russia.
4. Belimov, I.I., Gevorkyan, S.G. & Kogan, E.L. (2011) Obrabotka i upravlenie statisticheskimi dannymi metodami matematicheskoy teorii katastrof [Processing and Management of Statistical Data by Methods of Mathematical Catastrophe Theory]. *Obozrenie prikladnoy i promyshlennoy matematiki*. 18 (1). pp. 104–105.
5. Zenchenko, S.V. & Egorin, E.A. (2014) Primenenie teorii katastrof dlya otsenki ustoychivosti pozitsiy kreditnoy organizatsii [Application of Catastrophe Theory to Assess the Stability of the Credit Organization’s Positions]. *Vestnik SevKavGTU*. 19. pp. 22–27.
6. Nedel'ko, N.S. (2010) Catastrophe Theory and Analysis of Economic Systems’ Behaviour. *Vestnik MGTU – Vestnik of MSTU*. 13 (1). pp. 223–227. (In Russian).
7. Mozgovaya, A.V. (ed.) (2001) *Risk v sotsial'nom prostranstve* [Risk in Social Space]. Moscow: Institute of Sociology, RAS.
8. Kahneman, D., Slovic, P. & Tversky, A. (2005) *Prinyatie resheniy v neopredelennosti: Pravila i predubezhdeniya* [Judgement Under Uncertainty; Heuristics and Biases]. Translated from English. Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr.
9. Lefebvre, V.A. (2003) *Refleksiya* [Reflection]. Moscow: Kogito-Tsentr.
10. Petrovskiy, V.A. (1996) Ocherk teorii svobodnoy prichinnosti [Essay on the Theory of Free Causality]. *Vestnik SamGU. Psikhologiya*. 1. pp. 67–87.
11. Solntseva, T.N. (1999) O psikhologicheskoy soderzhanii ponyatiya “risk” [On the Psychological Content of the Concept “Risk”]. *Vestnik MGU. Ser. 14. Psikhologiya*. 2. pp. 14–20.
12. Knight, F. (2003) *Risk, neopredelennost' i pribyl'* [Risk, Uncertainty and Profit]. Translated from English by M. Kazhdan, V. Grebennikov. Moscow: Delo.
13. Lyotard, J.-F. (1998) *Sostoyaniye postmoderna* [The Postmodern Condition: A Report on Knowledge]. Translated from French. St. Petersburg: Aleteyya. [Online] Available from: http://thelib.ru/books/liotar_zhanfransua/sostoyaniye_postmoderna-read-9.html. (Accessed: 09.05.19).
14. Bechmann, G. (2010) *Sovremennoye obshchestvo: obshchestvo riska, informatsionnoye obshchestvo, obshchestvo znaniy* [Modern Society: Risk Society, Information Society, Knowledge Society]. Translated from German. Moscow: Logos.
15. Luhmann, N. (1994) Ponyatie riska [Risk: A Sociological Theory]. Translated from German. *Thesis*. 5. pp. 32–41.
16. Zhmaylo, A.I. (2008) Sotsial'nyy risk: osobennosti opredeleniya [Social Risk: Features of Definition]. *Ekonomika i upravlenie: nauchnaya sessiya MIFI*. 14. pp. 56–57.
17. Babosov, E.M. (2013) *Chelovek v sotsial'nykh sistemakh* [Man in Social Systems]. Minsk: Belaruskaya navuka.
18. Gurevich, P.S. (2017) Man as the Subject Began to Disappear. Interview With Philosopher P. Gurevich. *Chelovek.RU*. 12. pp. 231–244. (In Russian).
19. Guseynov, A.A. (2016) O chelovechestve i chelovechnosti [On Humankind and Humanity]. *Vedomosti prikladnoy etiki*. 49. pp. 137–150.
20. Kutyrev, V.A. (2015) *Poslednee tselovanie. Chelovek kak traditsiya* [The Last Kiss. Man as a Tradition]. St. Petersburg: Aleteyya.
21. Giddens, A. (1994) Sud'ba, risk i bezopasnost' [Fate, Risk and Security]. Translated from English. *TESIS: Teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem*. Vyp. 5: Risk, neopredelennost', sluchaynost'. pp. 107–134.
22. Giddens, A. (2004) *Uskol'zayushchiy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [Runaway World: How Globalisation Is Reshaping Our Lives]. Translated from English by M.L. Korobochkin. Moscow: Ves' mir.
23. Williamson, A.H. (2008) *Apocalypse Then: Prophecy and the Making of the Modern World*. N.Y.: Praeger.
24. Wells, W. (2006) *Apocalypse When?: Calculating How Long the Human Race Will Survive*. N.Y.: Springer Praxis Books.
25. Reilly, J.J. (2000) *Apocalypse & Future: Notes on the Cultural History of the 21st Century*. Boston: Xlibris Corporation.
26. Plait, P. (2008) *Death from the Skies! These Are the Ways the World Will End*. N.Y.: Viking Press.
27. Aftershock. (2018) *Rimskiy klub, yubileynyy doklad: “Staryy Mir obrechen. Novyy Mir neizbezhen!”* [The Club of Rome, Anniversary Report: “The Old World Is Doomed. A New World Is Inevitable!”]. [Online] Available from: <https://aftershock.news/?q=node/601798>. (Accessed: 09.05.19).

28. Protasenko, I.N. (2002) [Crisis, Society and State]. *Sotsial'nyy krizis i sotsial'naya katastrofa* [Social Crisis and Social Catastrophe]. Conference Proceedings. St. Petersburg: Sankt-Peterburg. filos. Obshchestvo. pp. 151–156. (In Russian).
29. Babosov, E.M. (1995) *Katastrofy: sotsiologicheskiy analiz* [Catastrophes: A Sociological Analysis]. Minsk: Navuka i tekhnika.
30. Klein, N. (2015) *Doktrina shoka. Rastsvet kapitalizma katastrof* [The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism]. Translated from English. Moscow: Dobraya kniga.
31. Stepin, V.S. (2015) *Filosofskaya antropologiya i filosofiya kul'tury* [Philosophical Anthropology and Philosophy of Culture]. Moscow: Akademicheskii proekt; Al'ma Mater.
32. Naisbitt, J. (1994) *Global Paradox: The Bigger the World Economy, the More Powerful Its Smallest Players*. N.Y.: Morrow.
33. Toffler, A. (2004) *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Translated from English. Moscow: AST. pp. 6–261.
34. Giddens, A. (1991) *Modernity and Self Identity: Self and Society in the Late Modernity Age*. Stanford, CA: Stanford University Press. pp. 187–201.
35. Ortega y Gasset, J. (2009) *Degumanizatsiya iskusstva* [The Dehumanization of Art]. Translated from Spanish. In: Selin, O. (ed.) *Krizis soznaniya: sbornik rabot po "filosofii krizisa"* [Crisis of Consciousness: A Collection of Works on the "Philosophy of Crisis"]. Moscow: Algoritm. pp. 105–156.
36. Foucault, M. (2010) *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason]. Translated from French by I. Staff. Moscow: AST; AST Moskva.
37. Deleuze, G. & Guattari, F. (2007) *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. Translated from French by V. Kuznetsov. Ekaterinburg: U-Faktoriya. [Online] Available from: https://www.e-reading.club/chapter.php/1027780/89/Gricanov_-_Noveyshiy_filosofskiy_slovar._Postmodernizm.html. (Accessed: 05.05.19).
38. Scheler, M. (1994) *Chelovek i istoriya* [Man and History]. In: Denezhkin, A.V. (ed.) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from
39. Camus, A. (1990) *Mif o Sizife. Esse ob absurde* [The Myth of Sisyphus. On the Absurd]. Translated from French. In: Yakovlev, A.A. (ed.) *Sumerki bogov* [Twilight of the Idols]. Moscow: Politizdat. pp. 222–318.
40. Jaspers, K. (1991) *Smysl i naznachenie istorii* [The Origin and Goal of History]. Translated from German. Moscow: Politizdat.
41. UN Habitat. (2010) *State of the World's Cities 2010/2011 – Cities for All: Bridging the Urban Divide*. [Online] Available from: <https://unhabitat.org/books/state-of-the-worlds-cities-20102011-cities-for-all-bridging-the-urban-divide/>. (Accessed: 6.10.2019)
42. Virilio, P. (2009) *Nizverzhenie v pustotu* [Overthrow Into the Void]. Translated from French. In: Selin, O. (ed.) *Krizis soznaniya: sbornik rabot po "filosofii krizisa"* [Crisis of Consciousness: A Collection of Works on the "Philosophy of Crisis"]. Moscow: Algoritm. pp. 205–248.
43. Lebon, G. (2011) *Psikhologiya narodov i mass* [The Psychology of Peoples, The Crowd: A Study of the Popular Mind]. Translated from French by A. Fridman, E. Pimenova. Moscow: Akademicheskii proekt.
44. Foucault, M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Translated from French by V. Naumov. Moscow: Ad Marginem.
45. Foucault, M. (1984) *Histoire de la sexualite'*. Vol. 2. Gallimard.
46. Simmel, G. (2002) *Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn'* [The Metropolis and Mental Life]. Translated from German. *Logos*. 3/4 (34). pp. 1–12. [Online] Available from: https://ruthenia.ru/logos/number/2002_03-04_34.htm. (Accessed: 03.04.19).
47. Zukin, Sh. (2018) *Kul'tury gorodov* [The Culture of Cities]. Translated from English by D. Simanovskiy. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
48. Kavtadze, S. (2018) *Anatomiya arkhitektury. Sem' knig o logike, forme i smysle* [The Anatomy of Architecture. Seven Books on Logic, Form and Meaning]. Moscow: HSE.

Received: 02 December 2019